

Он разговаривал с ярославскими домами

Сегодня исполнилось бы 75 лет Виктору Федоровичу Марову. Человек, сделавший для сохранения исторического наследия Ярославля едва ли не больше всех из нынешнего поколения архитекторов, он достоин самой почтительной памяти и уважения.

Городское отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры выпустило к этой дате сборник воспоминаний. Они полны новых штрихов к личности этого человека и множества удивительных эпизодов, деталей, которые сами по себе история.

Супруга Галина Васильевна рассказывает, как в 1958 году по совету знакомого Виктор Федорович купил у одной ярославской семьи старинный чертежный стол. «Когда уже уходил, хозяйка – интеллигентная дама, поинтересовалась, кто он по профессии, услышав – архитектор, почему-то обрадовалась и, низко склонившись к Виктору, прошептала: на этом столе были сделаны расчеты взрыва Успенского собора в 1936 году. И через полвека на том же столе (Виктору Федоровичу пришлось над ним основательно поработать, так как в нашу пятнадцатиметровку он не входил) были сделаны части охранных зон Ярославля и великолепные чертежи и рисунки, которыми в 2005 году восхищалась комиссия ЮНЕСКО», включившая потом исторический центр Ярославля в список всемирного наследия.

Он был представителем той золотой плеяды архитекторов, которая появилась в Ярославле в 1950-е годы, отмечает архитектор-реставратор Вячеслав Сафронов. В это время в Ярославской реставрационной мастерской, «задававшей определенный настрой по отношению к историко-культурному наследию города», работали такие корифеи, как Б. В. Гнедовский, Э. Д. Добровольская, Е. Г. Ефремов, Е. М. Каравая, В. Г. Брюсова, В. С. Баниге. «К сожалению, в начале 1960-х, в период бюрократических гонений

на реставраторов, вся эта блестящая когорта специалистов оставляет Ярославль. Но дух почитания ярославской старины, научно-методический подход к сохранению и реставрации исторических городов останется жить и проявится впоследствии и в работах Виктора Федоровича, и в деятельности еще двух замечательных архитекторов, практически одновременно прибывших с ним в Ярославль после окончания Московского архитектурного института, – Ивана Борисовича Пуришева и Людмилы Васильевны Ширяевой (Якуниной)».

1970-е – начало 1980 года были периодом глобальных разрушений в Ярославле, связанных со строительством театра юного зрителя и нового здания обкома партии (сейчас администрация области).

«Проект здания обкома партии на Советской площади, – продолжает Сафронов, – первоначально был разработан авторской группой Л. В. Ширяевой и предполагал воссоздание дворца наместника на этом месте как утраченного звена одного из лучших архитектурных ансамблей раннего классицизма. Однако, по-видимому, по идеологическим мотивам он не был осуществлен, новый проект заказали группе московских авторов...

Строительство нового здания обкома, начавшееся во второй половине 1970-х, проходило под покровом тайны. Доступ на площадку, обнесенную высокой бетонной оградой, строго охранялся. Никто из ярославцев (не считая партийной верхушки) не видел проекта. Однако в народе гулял слух, что будет воссоздан дворец наместника... Каково же было разочарование, когда за забором стало появляться совсем иное по тектонике и эстетике здание, а все постройки Мылтного двора, построенного по проекту П. Я. Панькова в этом квартале в 1820 годах, были подготовлены к сносу. Угроза сноса нависла и над шедевром Н. И. Поздеева – часовой Александр Невского, в которой в это

время располагался магазин «Пчеловодство». За часовой находилась Важня Мылтного двора с куполообразной крышей и тройными итальянскими окнами в духе Кваренги, она была разрушена почти за сутки. Ковш экскаватора навис над часовой.

Понимая ее исключительную ценность в градостроительном и архитектурном отношении, В. Ф. Маров, Л. В. Ширяева, я и еще несколько человек собрались в Союзе архитекторов у ученого секретаря, талантливого художника и педагога Нины Владимировны Веселой. Медлить было нельзя, было принято решение отправить срочную фототелеграмму в партийный контроль при ЦК КПСС – Пельше. Все пре-

красно осознавали, чем грозит такое инакомыслие, в эти годы уже не сажали в ГУЛАГ, но уметь отпугивали на излечение в психбольницу, снимали с должности, а порой и выдворяли за пределы родной страны.

Репрессии подобного рода коснулись и нас, к счастью, главным образом в виде денежных наказаний и проблем с продвижением по службе. Но главное было достигнуто – наши доводы услышали: часовня была сохранена и даже реставрирована в 1983 – 1985 гг. Ярославской специальной научно-реставрационной мастерской под руководством В. Д. Шаульского».

Каждый, кто встречался с Маровым, попадал под обаяние

его личности. Знакомство с ним архитектора Рустама Гарифуллина состоялось в институте «Ярославгражданпроект», где Маров возглавил архитектурно-планировочную мастерскую. «Первое впечатление – красивое лицо с умным пронизательным взглядом, иногда исподлобья. Редкое сочетание – насыщенного цвета иссиня-голубые глаза и черная, как смоль, волнистая шевелюра – придавали его лицу особый шарм».

Уроженец Владимирской земли, его родные места – знаменитые центры иконописи – Холуй, Мстера, освоившие позже лаковую миниатюру, могли стать судьбой и Виктора Марова. Он Прекрасно рисовал, но архитектура перетянула.

Люди запомнили его разным, но всегда в связи с работой, его призванием, от чего он был не отделим. Архитектор И. И. Островский знал Марова 29-летним начальником отдела в институте «Облколхозпроект». Отдел занимался разработкой генеральных планов сельских поселков. Очень много приходилось ездить по области, а своего транспорта не было. Виктор Федорович решил эту проблему – в отдел купили два мотоцикла с коляской. «Недавно я посмотрел одну из его первых работ – проект планировки и застройки села Обновленского Пошехонского района, – вспоминает Островский. – Выполнена прекрасно – зрелым мастером! Прошло более сорока лет, а эта работа не устарела и достойна выставки любого уровня».

Годы совместной работы в Ярославской реставрационной мастерской свели с ним архитектора-реставратора Светлану Столярову. «Мне никогда не приходилось его видеть кричащим, потерявшим самообладание, он всегда находил какое-то решение, которым никого не унижал. Он был на своем месте и боролся за чистую реставрацию, за чистые отношения между коллегами, не боялся прямо высказать свое мнение, возможно, не

для всех приятное и приемлемое. Мне Виктор Федорович запомнился скромным, умным, интеллигентным человеком».

Главная работа его жизни – действующий до сих пор проект зон охраны города Ярославля, который встал на пути разрушения старой части улицы Свободы и других исторических мест. Маров регламентировал этажность строений, планировку кварталов и улиц, установил неприкосновенные территории большинства наших памятников. Ольга Мазанова, участница этой работы, рассказывала мне о совместных путешествиях с ним по городу вплоть до самых его дальних уголков – Виктор Федорович знал о Ярославле все. На базе этой работы по инициативе Марова было поставлено на охрану более двухсот памятников, выявлено все ценное в ярославской архитектуре, ландшафте, планировочной структуре.

Профессор, завкафедрой архитектуры Ярославского технического университета Николай Кудряшов пригласил Виктора Федоровича в 1992 году преподавать русскую архитектуру. «В аудитории он был как старый и мудрый земский доктор, раскрывающий тайны болезни своих пациентов. Он жалел и заботился о памятниках доброй старины, как о людях, скорбел об утратах, часто повторял заповедь «не навреди». Тихим и ровным голосом беседовал не столько со своими студентами, сколько разговаривал с домами и храмами, улочками и усадьбами, пристально вглядываясь в их историю».

Он умер в 67 лет, но старым так и не стал никогда. Он и в последние годы оставался внешне крепким, мужественным – «настоящим русским богатырем, защитником земли русской», как выразилась член ВООПИИК Галина Петровичева. И она же: «Виктор Федорович остался для нас одним из героев нашего времени, но, как водится на Руси, не выплывающим, неоцененным и непознанным до конца».

Татьяна ЕГОРОВА.